

Узнав о смертельной болезни Н.А. Троицкого, которого он, несмотря на все разногласия и расхождения в оценках, глубоко уважал как «подвижника изучения народничества», Пелевин написал мне 28 марта 2014 г.: «Уходят Титаны! Знаете, в чём наша беда? В том, что нам не на кого из живых равняться, не с кем мериться, соглашаясь или противоборствуя». То же самое можно сказать теперь и о Юрии Александровиче. Такого блистательного исследователя и энтузиаста своего дела среди нас больше нет. Но нам следует помнить о том, что «для научного подвижничества сейчас лучшее время», как с оптимизмом и не без иронии писал 19 июля 2014 г. Ю.А. Пелевин.

Российское общество в годы Первой мировой войны

Ирина Пушкарёва

Russian society during the First World War

Irina Pushkareva (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences)

30 сентября – 3 октября 2014 г. в Москве состоялась международная научная конференция «Россия в годы Первой мировой войны. 1914–1918», организованная Институтом российской истории РАН, Государственным историческим музеем, Федеральным архивным агентством и Российским историческим обществом. Этот форум стал крупнейшим событием последних десятилетий в отечественной исторической науке. В работе его 7 секций участвовали более 120 представителей научных учреждений Москвы, Санкт-Петербурга и ещё 20 регионов Российской Федерации, а также 11 стран «дальнего» и «ближнего» зарубежья¹. По материалам конференции издан сборник², примерно в 100 статьях которого представлены различные аспекты эволюции российского общества с начала Первой мировой войны до февраля 1917 г. Концепция и структура сборника коррелятивны мировой историографии проблемы «Война, человек, общество», а его статьи – последним исследованиям, в числе которых коллективная монография историков Москвы, Санкт-Петербурга и других городов, изданная ИРИ РАН³.

По мнению членов редколлегии сборника, обращение к историческим событиям, связанным с демократической революцией в России, должно было предоставить читателю возможность лучше разобраться в пружинах развития общества тех лет, когда энергия не завершённых в нём перемен

© 2016 г. И.М. Пушкарёва

¹ В конференции участвовали учёные Великобритании, Франции, Германии, Польши, Азербайджана, Армении, Белоруссии, Казахстана, Литвы и Украины.

² Россия в годы Первой мировой войны. 1914–1918: материалы междунар. научн. конф. (Москва, 30 сентября – 3 октября 2014 г.) / Отв. ред. А.Н. Артизов, А.К. Левыкин, Ю.А. Петров. М.: ИРИ РАН, 2014. 712 с., 16 л. ил. (далее – Россия. 1914–1918).

³ Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис / Отв. ред. Ю.А. Петров. М., 2014 (далее – Россия в годы Первой мировой войны).

сломала скорлупу старой государственной системы. Авторы статей имели цель представить синергетические процессы глобального характера, без которых невозможно понять мировое значение происходившего в 1917 г. в России⁴.

В сборнике впервые на конкретном материале комплексно представлена асинхронность накапливавшихся в российском обществе с довоенного времени политических процессов и противоположных интересов. В основе последних лежали столкновения, происходившие внутри подвергшихся в войну сильнейшей социальной мутации различных «старых» и «новых» социальных страт. Стремление авторов увидеть в целом внутреннюю жизнь страны военных лет позволяет найти ответы на вопросы, давно заданные учёными. Не сразу уловимые очертания нового проявляются из пестрой плоти прошлого. В том, что это происходит в борьбе с готовностью исследователей «помнить по заказу», и состоит ценность обращения к истории общества в качестве научной проблемы.

Помимо традиционной информационной базы (архивные документы, периодическая печать и т.д.), к исследованию в качестве исторического источника привлечены книги и статьи современников судьбоносных событий начала XX в. – философов, учёных, политиков. Осмыслив их взгляды, авторы уделили особое внимание идеологии, поведенческой практике разных слоёв общества, многообразию его предреволюционной жизни. Все материалы издания объединяет стремление показать начавшиеся во время Первой мировой войны изменения форм жизнедеятельности людей и их отношения при переходе от традиционного общества (аграрного, патриархального) к прогрессивному (индустриальному).

В большинстве статей внимание сконцентрировано на «проблемных точках» развития социально-политических и социально-экономических процессов. Лейтмотивом сборника является реакция общества на Первую мировую войну, а концепцией – продолжение переосмысления политической истории России, курс которому был задан в 1970-е гг., и, как предсказывали тогда участники дискуссий, оно могло стать плодотворным как «доминирующий способ изучения российского прошлого»⁵. Рабочей гипотезой в издании стала история ожидания большинством населения царской России перемен в её общественной жизни, которые должны были произойти, возможно, и не революционным, а эволюционным путём. Однако это не является следованием «единственно правильному интеллектуальному абсолютизму – либерализму», как в советские времена марксизму-ленинизму, платой за который оказался постмодернизм, поставивший под сомнение саму необходимость существования истории как науки⁶.

Материалы издания подтвердили необходимость использования разносторонних подходов в изучении общества и открыли десятки новых направлений будущих исследований – от полифонии мнений представителей различных слоёв многонационального российского общества до описания состояния государственных учреждений в годы войны.

Остановимся на представленных в сборнике происходивших тогда в Российской империи трансформациях социальной структуры, изменениях в духовной

⁴ Булдаков В.П. Россия, 1914–1918 гг.: война, эмоции, революция // Россия. 1914–1918. С. 21.

⁵ Советская историография. Книга вторая / Под ред. Ю.Н. Афанасьева. М., 1996. С. 379.

⁶ Пушкарёва И.М. Рабочее движение в России в годы Первой мировой войны (историографические заметки) // Российская история. 2015. № 3. С. 91.

(интеллектуальной) сфере общества. Эти направления, отражённые в статьях, не только определяют новые подходы в историографии, но и подтверждают особенность исторического развития страны тех лет при сохранении «старого», традиционного общества во всех сферах, подверженных процессам модернизации.

Посвящённые российскому обществу исследования – своего рода «вызов» старым схемам истории первого периода войны. В центре внимания историков оказалась принципиально новая область – стратификация общества, которая в советской историографии была трудно совместима с жёсткими социологическими классовыми категориями. Она, как и дифференциация, благодаря кибернетике оказалась необходимой в гуманитарных науках в России. Получив отражение в фундаментальной разработке сословно-классовой структуры российского общества⁷, дифференцированный подход показал внутреннее разнообразие социальной системы страны, что, в свою очередь, позволило получить представление о состоянии российского общества, готового и к революции. «Война, – отмечает Н.А. Иванова, – прервала и деформировала органическое развитие общества, сделав главным влияние внешних факторов... при усилении сословного и ослаблении классового начала»⁸.

Происходившая в годы войны социальная мутация не означала прекращения движения российского общества по пути социального прогресса и не прерывала процесса модернизации. Если раньше (по марксистской схеме) причины революции выводились непосредственно исходя из социально-экономического положения страны, то возникает вопрос: не является ли это влияние опосредованным с учётом особенностей развития общества и его взаимодействия с государством? Востребованное сегодня и акцентированное в сборнике внимание к проблемам политической культуры общества выступает в данном случае как инструмент осмысления его интеллектуального и духовного состояний, а также деятельности в военное время людей, принадлежавших к разным социальным стратам. Авторы попытались дать ответ на этот вопрос, пересмотрев устоявшиеся схемы советской историографии, обращаясь не только к классам, но и к сословиям российского общества, вовлечённым в «разнонаправленность социальных процессов и в их равнодействующую в годы войны».

Старая система социальных отношений существовала в России благодаря тысячелетней традиции и православной вере, но шаг за шагом модернизация формировала сферу гражданской деятельности. Считается, что «классовая структура претерпела в годы войны наибольшие изменения в результате значительного разрушения рыночной экономики», что предполагало конгломерат социальных отношений и далеко неоднозначную дифференциацию низших, высших классов и сословий общества.

О своих правах заявили новые, рождённые войной, социальные слои – женщины-солдатки, беженцы, участники протестов, разные группы людей, объединившихся против дороговизны, и др. Вслед за ними поднялись сельские сословия – в связи с приостановкой работ землеустроительных комиссий, усилением роли общины при решении вопросов, связанных с переделом земли и

⁷ Иванова Н.А., Желтова В.П. Сословно-классовая структура России в конце XIX – начале XX века. М., 2004; *они же*. Сословное общество Российской империи (XVIII – начало XX в.). М., 2009.

⁸ Иванова Н.А. Старые структуры и новые страты (влияние войны на социальные процессы в России) // Россия. 1914–1918. С. 105.

неравноправием. Среди купцов и ремесленников, державшихся, как казалось, за сохранение давно установленных регламентаций, в 1915 г. «наметился переход к имущественному цензу»⁹.

Заметным становилось расслоение «старого» класса землевладельцев. Часть их довольно агрессивно (через правых) пыталась укрепить свои консервативные политические позиции. Определённый их слой искал сторонников среди торгово-промышленной буржуазии. Движение аграрного российского общества к индустриальному не прекращалось, хотя в источниках процесс, «менявший лицо аграриев», с трудом просматривается сквозь толщу традиционности, что подтверждается при описании Н.Ф. Тагировой и другими авторами «хлебной ценовой ситуации»¹⁰.

Но необратимое развитие общества, совершавшееся в годы войны при всём «балласте прошлого»¹¹, формировало новый его тип, чему не мешало использование принудительного труда. Своим массовым появлением в новом облике после, казалось, забытого крепостничества, он был «обязан» милитаризации, использованию в производстве мобилизованных квалифицированных рабочих, беженцев и военнопленных. При их низкооплачиваемой (или почти не оплачиваемой) работе «основная сумма производства и прибыли доставалась крупным и крупнейшим предпринимателям, имевшим оборонные заказы»¹². Благодаря этому набравшему силу новому слою буржуазии, отмечает П.А. Кюнг, расширялось промышленное производство (химическое и др.), строились предприятия¹³, т.е. в стране продолжалась индустриализация как основа ведущих секторов промышленности.

Материалы сборника обозначили растущие во время войны потоки социальной напряжённости. На низших ступенях общественной иерархии они формировались среди социально неустроенных беднеющих слоёв. Возрастание применения женского труда во всех производственных сферах, делает вывод П.Н. Щербинин, вызывало обострение гендерных асимметрий с чётко обозначенным неравенством женщин (оплата труда, места работ и т.д.).

В некоторые месяцы 1915–1916 гг. протесты социализированных групп женщин-солдаток¹⁴ против дороговизны были заметнее, чем стачки рабочих на предприятиях. Подобные выступления стали частью и «многомерной социальной стратификации, деклассирования», «усиливавшейся маргинализации в годы войны российского населения, особенно его низших слоёв». Этот процесс сопровождался «складыванием их общих интересов в условиях всё большего обострения с 1914 по 1917 г. основных социальных противоречий»¹⁵. Беспомощность правительства в решении социальных проблем объединила все протестные движения созданных войной лишенцев прав и человеческих условий жизни.

⁹ Там же. С. 105–106.

¹⁰ Тагирова Н.Ф. Процесс разрушения аграрного рынка и его последствия для сельского хозяйства России // Россия. 1914–1918. С. 446.

¹¹ Милоков П.Н. Очерки истории русской культуры. М., 1992. С. 29–31.

¹² Иванова Н.А. Старые структуры и новые страты... С. 108.

¹³ Кюнг П.А. Трансформация экономики Российской империи в период Первой мировой войны // Россия. 1914–1918. С. 410, 412.

¹⁴ Щербинин П.П. Особенности проявлений патриотических настроений в общественном сознании населения России в период Первой мировой войны 1914–1918 гг.: региональное измерение // Там же. С. 255–257.

¹⁵ Иванова Н.А. Старые структуры и новые страты... С. 110.

На фоне продолжавшейся в стране урбанизации социальный антагонизм сильнее всего проявлялся в крупных городах. В первый период войны росла абсолютная и относительная численность населения в городах, где появились люди из сельской местности, уставшие от неустроенности деревенской жизни и разорённые кустарным промыслом¹⁶, а также десятки тысяч беженцев. Это создавало для государственных и местных органов управления, общественных организаций «новые проблемы проживания, трудоустройства, материального обеспечения, медицинского обслуживания и др.»¹⁷.

Сбои в снабжении городов, рост цен на продукты и товары первой необходимости стали причинами протестов малоквалифицированных рабочих, пополнивших армию наёмного труда, а также тех, кто не был связан с оборонным производством (их реальная зарплата при растущей дороговизне была почти «заморожена»)¹⁸. Высокооплачиваемыми являлись лишь рабочие и служащие военных предприятий¹⁹. Однако и там росло недовольство из-за нечеловеческого напряжения на производстве и повседневного ущемления прав людей. Дело в том, что «инвестирование» новых экономических трудовых отношений происходило на фоне сохранившихся докапиталистических укладов и порядков. К тому же город, всегда враждебный всякой патриархальности, создавал новые принципы организации социальной жизни, менял социально-духовное лицо общества.

Социальная напряжённость возникала и в высших сферах власти. Старая дворянская элита стремилась сохранить там своё влияние, а также близость к казне, выступая против набиравшего силу слоя промышленников и банкиров. Парадоксальность ситуации состояла в том, что стремительно растущие личные блага капиталистов, основанные на прибылях, которыми они предпочитали не делиться с обществом, являлись производной их ответственности лишь за обеспечение армии в годы войны.

В сборнике представлена острота столкновений в обстановке общей социальной напряжённости – соперничество разных групп промышленников (статья П.А. Кюнга; таблицы роста акционерного учредительства, инвестиционной активности в производстве и т.д.)²⁰. В принадлежавших банкам новых особняках, возведённых в стиле модерн, группы финансистов участвовали в операциях по созданию концернов, охватывающих жизненно важные сферы российской экономики. Эта часть общества, отмечает Ю.А. Петров, не считала своё положение в стране достаточно прочным²¹. Ближе к 1917 г. более прозорливые отечественные банкиры и промышленники, опасаясь самого слова «революция», не могли не связывать её с ростом массовых протестов, особенно политических стачек. Глава Русско-Азовского банка А.И. Путилов, якобы, произнёс следующие слова: «Революция неизбежна, ждёт только повода, чтобы вспыхнуть. Поводом послужит военная неудача, народный голод, стачка в Петрограде, мятеж в Москве, дворцовый скандал... всё равно»²².

¹⁶ Козлов С.А. Крестьянское хозяйство Центрально-Нечерноземной России в годы Первой мировой войны // Россия. 1914–1918. С. 456–460.

¹⁷ Иванова Н.А. Старые структуры и новые страты... С. 110; она же. Демографические и социальные процессы // Россия в годы Первой мировой войны. Ч. II. С. 221.

¹⁸ Володин А.Ю. Русский рабочий в тылу Великой войны // Россия. 1914–1918. С. 443.

¹⁹ Иванова Н.А. Демографические и социальные процессы. С. 245–252.

²⁰ Кюнг П.А. Указ соч. С. 415.

²¹ Петров Ю.А. Финансовое положение до Февраля 1917 г. // Россия в годы Первой мировой войны. Ч. III. Гл. 5. С. 395.

²² Палеолог М.С. Царская Россия во время мировой войны. М., 1991. С. 177–178.

При освещении проблемы назревания в российском обществе буржуазно-демократической революции в первый период войны нельзя обойти вниманием поведение финансово-промышленной буржуазии. Т.И. Трошина подчёркивает «историческую» зависимость от правительства российской предпринимательской буржуазии, усилившейся во время войны благодаря получению оборонных заказов. За спиной царизма группы капиталистов стремились к национальному лидерству, но это желание не получило того значения, которое поменяло бы ситуацию в стране. «Переключение... с общегосударственных интересов на узкоклассовые и эгоистические», отмечает автор, приводило «к падению доверия к ней как со стороны властных структур, так и населения»²³. Российский капитализм с помощью государства хотел обеспечить себе господство над аграрно-крестьянским миром, с его высокой рождаемостью и низкими потребностями материальных благ.

В материалах конференции были представлены противоречивые социально-экономические процессы, взломавшие государственную систему, «горячие точки» конкурентной борьбы среди капиталистов. «Ослабление» «классового начала» новой предпринимательской буржуазии выразилось в появлении в её среде массы алчных конкурирующих групп, нацеленных на прибыль, а при распределении оборонных заказов – на государственную казну. Причём одни предприниматели, как отмечает М.К. Шаццло, для достижения своих целей использовали патристическую риторику, другие – недобросовестную конкуренцию, третьи выигрывали «на формах снабжения армии» и т.д. Конкуренция усилилась между промышленной и торговой буржуазией, а также внутри последней – при деградации прежнего рынка²⁴. Каждая из её групп, связанных со снабжением населения, устанавливала свою монополию, повышая цены на продукты и товары массового спроса. Проигрывало в этой ситуации нищавшее население, особенно больших городов. Недовольной оказалась и местная власть, которой пришлось «отдуваться» за общественную напряжённость, иметь дело с растущими протестами, а в ряде случаев с «голодными бунтами».

«Старая», в основном старообрядческая, буржуазия, по словам Г.Н. Ульяновой, стремилась смягчить растущее раздражение в обществе, занимаясь благотворительностью в пользу жертв войны. Эта помощь не касалась массы бедного трудового населения и была каплей в море по сравнению с тем, что делали в этом направлении общественные союзы, тратя государственные деньги²⁵, что, как и многое другое, связанное с их деятельностью, раздражало правых – консерваторов²⁶.

В сборнике дан широкий интеллектуальный срез жизни российского общества. Внимание привлечено к взглядам не только малоизвестных революционных деятелей, но и других представителей общественно-политической мысли, к идейности различных социальных страт. Новые источники (например, 56-томное издание документальной серии по истории политических партий) позволяют сегодня показать общество рассматриваемого периода как анклав политических

²³ Трошина Т.И. Утраченный шанс: национальная буржуазия в условиях Первой мировой войны (на материалах Европейского Севера России) // Россия. 1914–1918. С. 427.

²⁴ Шаццло М.К. Внутренняя торговля и снабжение населения в период Первой мировой войны // Там же. С. 472–478.

²⁵ Ульянова Г.Н. Благотворительная помощь общества жертвам войны в 1914–1918 гг. // Там же. С. 234–235.

²⁶ Иванов А.А., Репников А.В. Русские консерваторы: взгляд на проблемные точки Российской империи в годы Первой мировой и войны (1914–1917 гг.) // Там же. С. 157.

идей и взглядов, цели и деятельность лидеров ведущих политических партий. Воззрения этих людей, отражённые в их философских, экономических и политических трудах, приоткрывают мало исследованную часть духовной сферы общества. Известно, что война завершила процесс деструкции многопартийной системы²⁷, что выразилось в активности общественности, характерном для всех партий росте плюрализма мнений, в разбросе взглядов партийных лидеров относительно теории, стратегии и тактики их деятельности.

Авторы затронули важные вопросы, связанные с идеологией, свойственной гражданскому обществу, обсуждением его состояния в интеллектуальных верхах. Показано, что столкновения мнений представителей различных социальных групп в отношении значимых для страны событий и явлений во время войны лишь подтвердили факт движения России к гражданскому обществу.

Советская историческая наука обращала внимание преимущественно на идеологию революционного рабочего класса, свойственную левым социал-демократам. Однако дифференцированный подход к партиям и классам представляет особую ценность для исследования проблем, связанных с раскладом политических сил и состояния всего российского общества в годы войны. Так, например, в работах философа социал-демократа А.А. Богданова (статья А.Ю. Морозовой) «сближены» экономика и политика, показана эволюция общества военного периода как система, «части которой взаимосвязаны, испытывая давление, как центростремительных, так и центробежных сил». При этом идеология «выполняет организующую роль в общественной жизни», а «характерной чертой мировой войны» было то, что даже в этой сфере «она развернулась в настоящую катастрофу»²⁸.

В 1990-е гг. в ходе международных коллоквиумов историки часто спорили о «заражённости» патриотизмом рабочего класса России в годы войны. Существует мнение, что «составителям царского Высочайшего манифеста удалось подобрать удачные образы, запоминающиеся слова, которые нашли отклик в сознании многих жителей империи»²⁹. Этого нельзя сбрасывать со счетов. Но категория патриотизма – из числа неопределённых понятий. Виды его проявления – любовь к дому (стране) и ненависть ко всему инородному – могут и не совпадать. На сей счёт интересно представленное в сборнике мнение того же Богданова. Учитывая состояние обществ в годы мировой войны, он писал о «крушении» в них «привычных рамок классовых идеологий». «Почти весь пролетариат мгновенно изменил интернациональной точке зрения, без критики стал на точку зрения официальной, патриотической идеологии, – повсюду в своей массе пошёл за буржуазией», хотя он «по мере выработки своего коллективного сознания», в отличие от «буржуазных классов», «отрицательно» относился к милитаризму и национализму. Пролетариат «не мог не подчиниться физически – не идти на войну, саботировать промышленную мобилизацию и пр., как в обычных условиях не мог уклоняться от эксплуатации вообще. Его тело принадлежало классу капиталистов – но он тут же отдал и душу, приняв военную идеологию, сделав

²⁷ Иванов А.А. Консервативные партии // Россия в годы Первой мировой войны. Ч. V. Гл. 1. С. 519–559.

²⁸ См.: Морозова А.Ю. А.А. Богданов о Первой мировой войне как определяющем факторе социально-экономического и общественно-политического развития России // Россия. 1914–1918. С. 186.

²⁹ Колоницкий Б.И. «Трагическая эротика». Образы императорской семьи в годы войны. М., 2010. С. 84.

войну не просто вынужденным для себя, но своим делом». Рабочие «прибегли» к чужой, буржуазной, культуре, «к подчинению практическому присоединилось рабство идеологическое». «Коллективно-трудовая идеология далеко ещё не представляла из себя (так в тексте. — *И.П.*) сложившейся систематизированной культуры». «Идеологическая основа» пролетариата словно зашаталась, но под влиянием сложившихся обстоятельств война «дала величайшее в истории разоблачение капитализма», и по мере того, как в сознании рабочих стали отражаться негативы военного бытия, менялись их психология и поведение³⁰. Участниками стачек скоро стали социально «прозревающие» рабочие, чувствовавшие различие между патриотизмом «своим», оплаченным кровью, и — буржуазии, во всех странах обогащавшейся на войне.

Новое в методике и подходах исследователей идеологической сферы позволяет уточнить место классов и сословий в обществе, рабочих — в политическом движении, социальное содержание их протестов в годы войны. Российское рабочее движение в XX в. представляется в сборнике частью «общего» наряду с женским, национальным и другими «движениями», поскольку, по мнению социологов, все они формируют «представление человека о своём месте в обществе и в мире в целом»³¹.

Опуская «классовую оптику» в представлении общества в годы войны, авторы сборника не обошли вниманием актуальную сегодня проблему социального неравенства³² и прежде всего — рабочего класса (вместе с семьями — примерно 1/5 населения страны). Его материальное положение (особенно в крупных городах) было худшим по сравнению с другими городскими слоями, также страдавшими от милитаризации труда, снижения реальной заработной платы, нарастающего ухудшения условий жизни. Более 700 стачек, прошедших с начала войны до революции 1917 г. — лишь вершина «айсберга» протестов и возмущений рабочих в России. Большинство из них, боясь потерять заработок, предъявляли требования, не прекращая работы, — таков вывод американских исследователей, изучивших периодичность того времени³³. Более 3 млн человек (включая февраль 1917 г.) были вовлечены в открытые общественные протесты с прекращением работы — стачки, из которых 37% являлись политическими. Часть участвовавших в них рабочих активно выступала против войны³⁴. Заряженная политикой напряжённая атмосфера промышленных рабочих окраин влияла особым образом на духовную составляющую городских обществ в России.

В годы войны словосочетание «русские рабочие» приобрело новое звучание не только в риторике социал-демократов, но и в «реалиях мобилизационной экономической политики» Российской империи, подчёркивает А.Ю. Володин³⁵

³⁰ Морозова А.Ю. Указ. соч. С. 187, 189.

³¹ Здравомыслова Е.А. Парадигмы западной социологии общественных движений. СПб., 1993. С. 32.

³² По замечанию известного итальянского политолога и историка К. Гинсбурга, «мы по-прежнему живём в обществе, в котором неравенство бросается в глаза, и во многих случаях это неравенство становится всё более кричащим» (*Лейбин В., Константинов А., Рогожников М.* Назад к победе коммунизма! Есть ли жизнь после капитализма // Русский репортёр. 2015. № 16. 9–23 июля. С. 12).

³³ *Rosenberg W., Koenker D.* Strikes and Protest in Revolutionary Russia: Worker Aktivism in Petrograd and Moscow between February and October 1917 // *Annali Anno Ventisettesimo* 1990/1991. Strikes, Social Conflict and the First World War. An International Perspective. Milano, 1992. P. 492.

³⁴ *Пушкарёва И.М.* Рабочие России в годы Первой мировой войны: историческая реальность и проблемы её изучения // Россия. 1914–1918. С. 432–438; *Володин А.Ю.* Указ. соч. С. 440–445.

³⁵ *Володин А.Ю.* Указ. соч. С. 444.

вслед за немецким философом, профессором Э. Юнгером. Последний являлся автором теории о «гештальте рабочего», что означало появившуюся в войну новую «действенную величину» (она определялась философскими понятиями «социальный образ», «облик рабочего как представителя наёмного труда»), начавшую «могущественно вмешиваться в историю» и с присущим ей коллективизмом «повелительно определять формы изменённого мира»³⁶.

Такой взгляд на рабочее движение в России укоренился в мировом общественном сознании на исходе начального периода войны. Советская историография соответственно ввела понятие «роль революционной рабочей партии», убеждая в необходимости признания огромного значения её агитационно-пропагандистской и организационной деятельности.

Сегодня доказано и повторено в статьях данного издания, что в тот период в марксистской рабочей партии меньшевики и большевики не отличались по социальному составу, а решение теми и другими демократических задач «не было отделено китайской стеной»³⁷. С этим в своё время столкнулись составители сборника социал-демократических листовок. Читая их сегодня, трудно разобраться, какая фракция рабочей партии выпустила тот или иной агитационный листок, «уловить» революционность тактики большевиков, оказавшихся вне закона за свои публичные выступления против войны в Государственной думе (меньшевики же сохраняли там свою фракцию).

Материалы конференции дают представление о влиянии и революционных, и либеральных идей на общество – по их информационным возможностям на основании изданий, там циркулировавших и оставлявших след в разных группах населения. Дело не в том, что левым социал-демократам, социалистам нравились баррикады и пороховой дым восстаний. Они концентрировали внимание на объективных причинах, препятствовавших развитию в России гражданского общества. Смысл их действий состоял в нетерпении, чтобы как можно скорее убрать главное – самодержавную власть. Ту же задачу решали и издания всех левых социалистов, рассчитанные на разговор с массами. Считается, что до 600 их наименований с июля 1914 г. по февраль 1917 г. выпустили в свет социал-демократы (большевики). Одних листовок, общим тиражом до 2 млн, они распространили не менее чем в 100 городах. К февралю 1917 г. большевиков было приблизительно 24 тыс., некоторые из них причислили себя к этой партии в результате опроса, прошедшего уже после революции. Их нелегальные организации (скорее группы) были обнаружены тогда полицией в 29 городах и 200 других населённых пунктах страны³⁸. Меньшевики, как и преследуемые охранкой большевики, стремились войти в легальные общественные организации (кооперативы, профсоюзы, страховые кассы и проч.). Эсеры представляли, по словам современников, «рассыпанную храмину»³⁹, но агитацию вели, нередко присоединяясь к социал-демократам. По подсчётам американского исследователя, за период войны, до Февральской революции 1917 г., эсеры издали свыше 100 антивоенных листовок⁴⁰.

³⁶ Юнгер Э. Рабочий. Господство и гештальт. Тотальная мобилизация. О боли. СПб., 2000. С. 60.

³⁷ Тютюкин С.В. Социалистические партии // Россия в годы Первой мировой войны. Ч. V. Гл. 3. С. 600.

³⁸ Пушкарёва И.М. Рабочие России в годы Первой мировой... С. 435.

³⁹ Морозов К.Н. Первая мировая война в судьбах партии социалистов-революционеров // Россия. 1914–1918. С. 177.

⁴⁰ Melancon M. The Socialist Revolutionaries and the Russian Anti-War Movement. 1914–1917. Ohio, 1990. P. 124–155.

Тяга народа к таким изданиям оказалась закономерной: эта часть общества давно была инфицирована содержащимися в листовках идеями социализма. Война пугала «полнейшей неизвестностью относительно её целей», «опасения вызвало то, что она ведётся во имя завоевательных задач, рождает естественную тревогу, что страшные жертвы народа идут на неправоё дело, что народ подвергается истощению не во имя самозащиты, а во имя интересов, чуждых и враждебных народу»⁴¹.

Воздействие на россиян революционных изданий, считает О.С. Поршнева, было в сотни раз меньше того, что вкладывалось в их головы с начала войны официальной печатной продукцией, отражавшей концепцию освободительной войны против «тевтонского варварства»⁴². Как отмечает Л.С. Гатагова, за первые пять военных месяцев вышло в свет около 600 книг ура-патриотического характера, изданных в основном для народа в жанре лубка⁴³. «Образ врага» в немецком облики формировался в церковных проповедях, газетах, кинематографе и на театральных подмостках. Мощным пропагандистским ресурсом стали сатирические материалы. Этот новый, ранее мало использованный источник, в красках представлявший российское общество периода мировой войны, проанализирован в сборнике⁴⁴.

Важно, что в нём затронуты темы, связанные с идеологическим воздействием на общество официальной пропаганды (они обсуждались на научных конференциях ещё в конце 1960-х гг.)⁴⁵, а также с появлением в первые дни войны антивоенных настроений, которые уловила революционная социал-демократия, сформулировав соответствующие призывы и лозунги, обращённые к демократическим слоям общества⁴⁶.

Война меняла менталитет и психологию людей, проявляясь в их поведении, а также в событиях государственной и общественной жизни. Как отмечал Богданов, результатом влияния «удельного веса армии и фронтовых отношений в жизни общества» стало появление «авторитарных элементов» в энергетике городского населения, усиление авторитарности в идеологии⁴⁷.

В другой среде разноформатных общественных отношений идейность по-

⁴¹ Цит. по: Поршнева О.С. Эволюция общественных настроений в годы Первой мировой войны (1914 – начало 1917 г.) // Россия. 1914–1918. С. 139; она же. Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. М., 2004. С. 103–116.

⁴² Поршнева О.С. Эволюция общественных настроений... С. 135.

⁴³ Гатагова Л.С. Запад как союзник в вербальных и визуальных образах книжной серии «Мировая война в рассказах и иллюстрациях» (1915 г.) // Россия. 1914–1918. С. 562–563.

⁴⁴ Рыбачёнок И.С. Политическая карикатура как элемент информационной подготовки Первой мировой войны; Семёнова Е.Ю. Сатирические материалы в региональной периодической печати как информационный ресурс по формированию настроений тылового населения в годы Первой мировой войны; Жердева Ю.А. Чрезвычайная следственная комиссия сенатора А.Н. Кривцова и её роль в формировании визуальной культуры войны; Казакова О.Ю. «Наши дорогие дикie друзья»: образ Восточного фронта во французской иллюстрированной прессе (1914–1917 гг.); Филиппова Т.А. «Враг с Запада» – «Враг с Востока»: образы и риторики вражды в русской сатирической журналистике эпохи Первой мировой войны; Четвайкина Н.Н. Эволюция «образа врага» в российском обществе в годы Первой мировой войны (по материалам фондов Государственного исторического музея); Братолобова М.В. Карикатура в донских газетах и журналах периода Первой мировой войны: особенности визуализации «образа врага» // Там же. С. 522–562.

⁴⁵ Иванов Л.М. Идеологическое воздействие на пролетариат царизма и буржуазии // Российский пролетариат. Облик. Борьба. Гегемония. М., 1970. С. 317–366.

⁴⁶ Пушкарёва И.М. Рабочие России в годы Первой мировой... С. 438.

⁴⁷ Морозова А.Ю. Указ. соч. С. 187.

мещиков-землевладельцев, православного духовенства и монархистов, наиболее остро воспринимавших крушение «старого мира», авторитарно искала «рецепты для предотвращения надвигавшегося революционного взрыва»⁴⁸, — отмечают А.А. Иванов и А.В. Репников. Подавляющее большинство консерваторов находилось «в стороне от ультраправых монархистов», но среди умеренных правых рождались «фобии» авторитарного воинствующего национализма. Под их влиянием были изданы правительственные указы против лиц немецкого происхождения, на основании которых началось выселение тысяч семей с мест их давнего проживания в южных районах России. Парадокс заключался в том, что германофильство правых вредило «онемеченной» императорской семье, — тому, что охраняли консерваторы. Последним служили сохранившие жизнеспособность традиционные формы хозяйствования, поддерживаемые государственным устройством. Даже умеренные группы консерваторов, боровшиеся за политическое лидерство внутри своей страты, чувствуя рост новых общественных сил в стране, третировали всё, что было связано с развитием рынка как сферы товарного обращения. В эту категорию попадала казённая помощь частным оборонным предприятиям. Стремясь сохранить свои ценности, правые с присущим им «специфическим консерватизмом» призывали правительство противодействовать «наживавшейся на войне» торгово-промышленной буржуазии («разжиревшим либеральным купцам»). О «социальной безответственности» и «пренебрежении национальными интересами» именно этой группы в обществе заявляли правые консерваторы. Им «зачастую удавалось верно определить “проблемные точки”, угрожающие монархии и империи, критиковать своих политических противников..., но сами они не могли предложить действенные рецепты для выхода страны из кризиса и спасения самодержавия от краха», изменить ход событий и поступь времени.

Правых консерваторов никогда не беспокоило положение в обществе низших слоёв. Рост стачек во время войны побудил их требовать сурового отношения власти к забастовкам, как «к государственным преступлениям», поскольку они «вели к простаиванию цехов на военных заводах». Но, утверждая свою собственную «идеологическую гегемонию», они винили в стачках хозяев предприятий. Они требовали от предпринимателей увеличивать заработную плату в промышленности «в соответствии с инфляцией» за счёт получаемых прибылей. Предлагая установить казённую монополию на хлеб и предметы первой необходимости, правые консерваторы, создавая ещё один очаг напряжённости в обществе, считали торговое предпринимательство виновным во всех злоупотреблениях в сфере торговли, а также в дороговизне, сбоях со снабжением населения и настаивали на принятии «мер, призванных обуздать банковские спекуляции, захват... промышленных предприятий»⁴⁹.

Общественности (Земгору и другим организациям) приходилось выслушивать правых консерваторов, предлагавших «уберечь самодержавие от либеральной оппозиции»⁵⁰, «переваривать» их негативное отношение к военно-промышленным комитетам и Прогрессивному блоку, давать отпор при «нападении» на свободу слова, протестовать в думах и отстаивать субсидирование Земгора. Идеология правых определяла направление государственной политики. Она являлась силой, сдерживавшей развитие новых отношений в российском обществе, выступая за сохранение в нём иерархии как основы самодержавной системы,

⁴⁸ Иванов А.А., Репников А.В. Указ. соч. С. 153.

⁴⁹ Там же. С. 155.

⁵⁰ Там же. С. 156.

единой и неделимой Российской империи во главе с монархом. Однако в гонке общественных сил при «догоняющем развитии и торможении» страны, каким бы ни было стремление консерваторов сохранить старое, на финишной прямой – к 1917 г. – в высших сферах они постепенно, но неукоснительно уступали первенство либеральной оппозиции.

Политики-либералы (как и социалисты, верившие в будущее России и готовые к борьбе за него), считали, что «ценою громадного расточения сил, ценою массы страданий, консерватизм всё-таки преодолевается давлением необходимости; оно пробивает техническому и организационному прогрессу путь сквозь инертность и сопротивление системы»⁵¹.

Совершенно очевидно, что без веры в прогресс не могло быть оппозиционного движения. Советская историография проигрывала, будучи идейно заикленной на революционном движении и его идеологах во главе с В.И. Лениным, с их классово-враждебным отношением к либерализму. Сегодня в исторических трудах представлена действенная либеральная оппозиция во главе с политиком и историком П.Н. Милюковым с некоторыми ссылками на работы других идеологов этого направления общественного движения.

В статье В.В. Шелохаева (основана на ранее не известных источниках) впервые в историографии показана интеллектуальная составляющая российского либерального движения как умеренно-реформистского политического течения периода войны⁵². Автор назвал имена 18 политиков, философов, экономистов и правоведов⁵³, веривших в Россию, а главное, пропагандировавших свои идеи и связанные с политикой моральные традиции, нравственные нормы на страницах газет, журналов⁵⁴, в просвещённых кругах общества и студенческих аудиториях.

Реакция либералов на войну была однозначной: как писал Н.А. Бердяев, «война – страшное зло», породившее вражду между народами. Несколько десятилетий назад до войны близость России и Германии обуславливалась сходным видением идеального будущего и модернизации общества. С войной ржа вражды и ненависти проникла в идеологию, затуманила общественное сознание, не обойдя и идеологов. Либералы-философы, отмечает Шелохаев, вывели Россию из рядов зачинщиков войны. Ответственность за её развязывание они переложили на Европу и «носителницу милитаризма» – Германию. Европейский мир, по словам Бердяева, «лживый и иллюзорный, за ним скрывалась иступлённая вражда и ненависть, отвратительная корысть. Мир охранялся милитаризмом, который как вампир сосал кровь из народов». Противоречия жизни в Европе породили «странный парадокс»: освободить её от «невыносимого ига» милитаризма могла только война. Германия «держала мир в напряжении, принуждала страны, не имеющие никаких завоевательных наклонностей, содержать огромные армии, напрягать все свои силы для защиты против угрозы

⁵¹ Морозова А.Ю. Указ. соч. С. 187.

⁵² Шелохаев В.В. Первая мировая война в оценках российской либеральной интеллектуальной элиты // Россия 1914–1918. С. 159–171.

⁵³ Речь идёт о Н.А. Бердяеве, С.Н. Булгакове, В.И. Вернадском, В.М. Гессене, С.Ф. Знаменском, А.С. Изгоеве, И.А. Ильине, Ф.Ф. Кокошкине, Н.И. Карееве, С.А. Корфе, С.А. Котляревском, Г.А. Ландау, П.Н. Милюкове, кн. Е.Н. Трубецком, М.И. Туган-Барановском, С.Л. Франке, М.И. Фридмане, А.И. Шингарёве.

⁵⁴ Хайлова Н.Б. Первая мировая война: взгляд либералов-центристов начала XX в. (по страницам журнала «Вестник Европы») // Россия 1914–1918. С. 171–177.

германизма (агрессивного пангерманизма), жаждущего мирового господства». И в этих условиях Николай II, поддавшись нажиму «военной партии», принял роковое для российского общества решение – начать войну⁵⁵.

С.А. Корф и В.М. Гессен обратили внимание на высказывания германских идеологов: «Все позволено, что содействует целям войны». «Существует ли право войны?», – спрашивал Корф, подвергая острой критике германское право, в котором было записано, что государство «свободно от международных обязательств» и их можно считать лишь «клочком бумаги». В разгар войны он сформулировал ряд базовых положений создания системы международного права в качестве барьера на пути развязывания новых войн⁵⁶.

В связи с духовными установками Московского религиозно-философского общества, весьма далёкими от узко шовинистических эмоций, образ мыслей Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова и В.Ф. Эрнэ переплетался с идеей (присущей в той или иной степени другим политикам российского общества) о мессианской роли России как страны с высоким нравственным началом. Они считали, что в послевоенной эпохе определяющая роль будет вообще принадлежать всему славянству во главе со «Святой Русью»⁵⁷. «Для мира и судеб человеческих» необходимо, чтобы Россия охраняла не только славянство, но и «в единстве с христианской Европой» «весь культурный мир от германской опасности, обращённой всем народам своим варварским ликом».

Эти идеи распространялись далеко за пределами кабинетов учёных-теоретиков, обсуждались в русской армии, которая представлялась в роли «освободительницы славян», а военная пропаганда оказывалась версией панславистских убеждений. Книжный рынок (особенно это касалось школьных и народных библиотек) после начала войны стал пополняться популярными брошюрами о «Великой отечественной войне» «за свободу и объединение славян», о России, готовой бороться «за правду» с «агрессивным германизмом»⁵⁸ и т.п. Посол Франции в России М. Палеолог заметил тогда, что «здесь война пробудила романтическую утопию славянофильства» и, «как во времена Аксаковых, Киреевского, Каткова, идея providенциальной мировой миссии России возбуждает... умы москвичей»⁵⁹.

Предложенное в сборнике обращение к истории общества в целом показывает, что лидеры-теоретики разных направлений основных политических партий видели ведущую роль России в мире в XX в., но расходились в том, какой она должна быть. Представления либералов о России в грядущем миропорядке – с противопоставлением Западу – перекликались, с одной стороны, с консервативной риторикой и «повальной ненавистью к немцам» как носителям протестантизма⁶⁰, а с другой – с теорией левых социал-демократов о мировой революции, с её «экспортом» из России в Европу.

Противодействуя в Думе меньшевикам, либералы заявили о провале предлагавшейся социалистами идеи интернационализма с её посылом, что «пролетариат не допустит войны». Они считали, что «все социал-демократы стали националистами» и «социалистическая идея обанкротилась»⁶¹, как бы не замечая большевиков в эмиграции во главе с Лениным.

⁵⁵ Шелохаев В.В. Первая мировая война в оценках российской либеральной... С. 159–160.

⁵⁶ Там же. С. 164–165.

⁵⁷ Там же. С. 161.

⁵⁸ Там же. С. 160; Поршнева О.С. Эволюция общественных настроений... С. 134–135, 139.

⁵⁹ Палеолог М.С. Указ. соч. С. 124.

⁶⁰ Иванов А.А., Репников А.В. Указ. соч. С. 154.

⁶¹ Шелохаев В.В. Первая мировая война в оценках российской либеральной... С. 163.

Известно, что и до войны, и в эйфории военного патриотизма либералы не разделяли восторгов представителей высших кругов общества по поводу «симфонического слияния» власти и населения страны, подчёркивая несправедливость её народов. В либеральных программах военного времени указывалась необходимость трансформации социально-политических институтов путём осуществления правовых и административных реформ (то же подразумевалось и для послевоенного периода). Но в ходе войны либералы-теоретики не могли не признать, что будущее России туманно. С.Л. Франк вопрошал: победит ли Россия в себе самой «восток Ксеркса» (разрушительное начало) «востоком Христа» (воскрешение)? Либералы допускали в годы войны возможность социальной революции, но при этом опасались разрушения культурных ценностей. Поэтому считали своей задачей способствовать нормативной регуляции действий членов общества: «Мы должны лишь сказать: это наше нравственное возрождение должно быть нами осуществлено (выделено мной. – И.П.)... Пока жива нация, жива и её свободная воля. Веруя в себя, мы должны верить во всемогущество нашей свободной, сознающей себя нравственной воли»⁶².

После победы в войне либералы (философы и политики) представляли Россию демократическим государством с развитой экономикой и инфраструктурой, «поднятием народного благосостояния», высоким уровнем жизни большинства населения⁶³, передовой системой народного образования, науки и культуры. Рассуждая о возрождении послевоенной страны, А.С. Изгоев предполагал «демократизировать человеческую жизнь» и, «урезав верхи», «облегчить положение низших классов». Российские либералы верили, что «всё человечество» «идёт к строю демократическому, к хозяйству союзному, к ослаблению социального неравенства». Они, конечно, понимали, что последствиями войны для страны станут «потрясение кредитного механизма», «сокращение производства», «расстройство денежного обмена», «отвлечение рабочих от производственных функций», общие потери народного богатства и т.д. Но, убеждённые в том, что страна идёт заданным путём, либералы считали: война выявила новые тенденции к обобществлению хозяйственной жизни, которые не подрывали основ частной собственности, оставшейся «двигателем прогресса, возбудителем к работе и предприимчивости, собирателем человеческой энергии... фундаментом современной европейской культуры»⁶⁴.

Говоря о «талантливом и трудолюбивом населении» России, многие из этих людей (например, А.И. Шингарёв) указывали на необходимость расширения в стране «общего доступа к образованию», выражали надежду на её «огромные природные ресурсы», «разумную государственную политику», с помощью которой можно было бы «быстро преодолеть военную разруху и занять лидирующие позиции в мире». Определяя в нём идентичность своей страны, русские философы-либералы исходили из перспективы её дальнейшего мирного развития, «осовременивания», превращения в передовую индустриальную экономику, полноценное конституционно-парламентское государство, прочно занявшее своё место «среди пяти великих держав». В.И. Вернадский был уверен, что грядущая мировая «научная революция», несомненно, улучшит отношения России с другими государствами⁶⁵. Воззрения либералов отражали исконно

⁶² Там же.

⁶³ Там же. С. 166.

⁶⁴ Там же. С. 163–164.

⁶⁵ Там же. С. 167–168.

российскую гуманность в её завершенной форме. Но, пишет Шелохаев, в конкретных условиях идеализация интеллектуальной мыслью возможного мирного общественного переустройства социально-экономической жизни «мешала» «выстроить взаимоотношения власти и общества»⁶⁶, на что впоследствии сетовали либералы-эмигранты.

Как известно, либеральная оппозиция сыграла далеко не последнюю роль в 1917 г.⁶⁷, и российская (в том числе и советская) историография показала её «состоявший из постоянных компромиссов» путь — от «священного единения» к конфронтации с властью»⁶⁸. Сегодня историки, разностороннее освещающие выбор и выработку политического курса либералов в годы войны⁶⁹, подчёркивают новые аспекты их деятельности.

«Поворот» в политической жизни России произошёл в августе 1915 г., когда «впервые сформировалось действенное оппозиционное большинство», поставившее своей «общественной» задачей отстаивать «расширение контрольных функций нижней палаты»⁷⁰. Ранее того отступление русской армии и смена её главнокомандующего спутали все карты на внутривнутриполитической арене. При дальнейшем развитии событий в стране у оппозиции возникла идея — добиться смены правительства и получить власть, опирающуюся на «народное доверие»⁷¹.

В научной литературе давно освещалась проблема раскола оппозиции на группы, обусловленного разницей их целевых установок в требованиях добиться компромиссов от высшей власти. На конференции эту историю впервые обобщил Ф.А. Гайда⁷². Дело в том, что в начале лета 1915 г. представители умеренной либеральной оппозиции и либерально-ориентированные бюрократы (большинство думского Прогрессивного блока) считали вполне достаточным ограничиться требованием «министерства общественного доверия». Другая часть либералов предложила бороться за «ответственное министерство». Как и следовало ожидать при анализе формулирования этих, казалось, противоречивых требований, всё обернулось «словесной борьбой либералов с правительством»⁷³. Следует согласиться с Гайдой в том, что эти требования были декларативны и большого практического значения в оппозиционной борьбе с властью не имели⁷⁴.

⁶⁶ Там же. С. 161, 169.

⁶⁷ *Граев Б.Б.* К истории классовой борьбы в годы империалистической войны. Июль 1914 — февраль 1917 г. Пролетариат и буржуазия. М.; Л., 1926; *Дякин В.С.* Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны. Л., 1967; *Черменский Е.Д.* IV Государственная дума и свержение царизма в России. М., 1976; *Старцев В.И.* Русская буржуазия и самодержавие в 1905—1917 гг. Л., 1977; *он же.* Кризис самодержавия. 1895—1917. Л., 1984; *Аврех А.Я.* Распад третьенюнской системы. М., 1985; *Гайда Ф.А.* Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 — весна 1917 г.). М., 2003; *Куликов С.В.* Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914—1917). Рязань, 2004.

⁶⁸ *Шелохаев В.В.* Либеральные партии // Россия в годы первой мировой войны. Ч. V. Гл. 2. С. 560—599.

⁶⁹ См.: *Гайда Ф.А.* Либеральная оппозиция на путях к власти...

⁷⁰ *Соловьёв К.А.* Представительные учреждения и правительство в России в 1914—1917 гг.: взаимодействие и конфликт // Россия. 1914—1918. С. 191—192.

⁷¹ Там же. С. 194.

⁷² *Гайда Ф.А.* «Министерство доверия» и «ответственное министерство»: сравнительный анализ содержания и применения двух лозунгов // Там же. С. 206—207.

⁷³ *Шелохаев В.В.* Первая мировая война в оценках российской либеральной... С. 170.

⁷⁴ *Гайда Ф.А.* «Министерство доверия» и «ответственное министерство»... С. 208.

Новый аспект исследования либерального движения – «синхронность» в развитии и разных форматах взаимодействия и конфликтов либеральной оппозиции с властью в представительных учреждениях (Государственной думе и Государственном совете) – охарактеризован К.А. Соловьёвым. Исходным моментом в этих контактах, по его мнению, стало то, что предложенное Прогрессивным блоком «расширение контрольных функций нижней палаты» в начале 1915 г. получило сочувствие в Госсовете (среди его «выборных»), но не как уступка Думе, а как одно из «условий победы» России в войне⁷⁵. Материал этой статьи важен для понимания состояния российского общества, в котором оппозиция настоятельно требовала провести реформу политической системы. Она призвала найти формы управления, способные обеспечить контроль общественных сил за государственной, политической и административной деятельностью в стране. В сборнике конкретизируются роль в годы войны Госсовета, Думы и Совета министров в политической системе России, а также возможности их влияния в конкретных вопросах на императорскую политику в целях охраны социально-экономической структуры государства.

Не случайно автор обращает внимание на деятельность комиссий, в первую очередь бюджетной – в войну она приобретала особую важность в связи с финансовым кризисом (в историографии рассмотрение взаимодействия либеральной оппозиции с властью и возникавших между ними конфликтов ограничивается, как правило, сессиями этого представительного учреждения). Между тем именно изучение повседневной работы комиссий с участием представителей Думы и разных ведомств даёт картину происходивших столкновений либеральной оппозиции и власть предержащих в Думе, определяет точки бифуркации отношений между представительными учреждениями и правительством, в работу которого вмешивалась высшая власть. Проведённое сегодня специальное исследование «Особых журналов» Совета министров⁷⁶ подтверждает тот факт, что важнейшие государственные дела в России исчезали из списка обсуждавшихся в представительных учреждениях. Комиссии в Думе оказывались «заваленными» (как и министерские ведомства) «законодательной вермишелью» по второстепенным вопросам. Такая ситуация была чревата для российского общества серьёзными последствиями.

Во взаимоотношениях его высших эшелонов – законодательной и исполнительной властей, императора и Совета министров, бюрократии как машины социальной координации и депутатского корпуса Думы – из месяца в месяц складывалось «пространство неопределённости» при возраставшем единоначалии императора. Если в середине 1915 г. общение думцев и представителей ведомств ещё могло сыграть роль в мобилизации общественных сил, то в 1916 г. встречи министров и депутатов становились диалогами глухих и не по «злой воле сторон». Сужалась компетенция руководителей ведомств, а общение их с избранниками в представительных учреждениях становилось «игрой» по техническим вопросам законотворчества («стороны были готовы к диалогу, нередко добивались договорённостей, но расходились врагами»). В то же время «народные» избранники «непременно выходили на политические сюжеты», порождая конфликты с властью. Перед революцией, заключает Соловьёв, подтверждая оценки прошлых исследований, «конфликт правительства и представительных учреждений был предрешён институционально».

⁷⁵ Соловьёв К.А. Представительные учреждения и правительство в России... С. 192.

⁷⁶ Там же. С. 191, 193.

Происходившее под «бдительным оком» узкой группы правящей семьи (и её окружения) усиление консервативности системы государственных принципов стало для неё пагубным. Робкие предложения представителей правительства, на которое легло основное бремя повседневной работы, в Царском Селе игнорировались. Назначавшихся и уволенных императором министров было легко приструнить. Впрочем, царская бюрократия никогда не считалась ни с «особыми нуждами народа», ни с его «избранниками». Заседания Совета министров с его «бесстрастными председателями» практически прекратились⁷⁷.

Царь изначально воспринимал представительство в государственных учреждениях как угрозу самодержавию, особенно в Государственном совете. В годы войны здесь набрала силу оппозиция, насчитывавшая не менее 100 человек, в большинстве предпринимателей. Со слов Милюкова, они сочувствовали Прогрессивному блоку, хотя в него могли не входить⁷⁸. Такое «непредсказуемое большинство» раздражало и находившихся в Госсовете консерваторов, и царствующих особ. В этой группе, по мнению Ю.А. Петрова, были владельцы частных банков, ставших неотъемлемой частью всей кредитной системы страны. В конце 1916 г. императрица потребовала от председателя Государственного совета вернуть верховную палату к предписанной ей роли «охранителя закона и порядка»⁷⁹.

Хотя в январе 1917 г. император и сменил 17 «назначенных к присутствию» членов Госсовета, верховная палата, «лишённая политической воли и программы действий», стала ещё «более оппозиционной»⁸⁰. Власть царской семьи оказалась «ахиллесовой пятой» в государственной системе, а император стал «центром гравитации», уязвимым местом её крушения.

В исторической науке пока существует слабое представление о том, каким образом были связаны оппозиция в Думе и широкие слои общества, провинция. Но (как было замечено) среди депутатов оказалось немало «мелких землевладельцев», которые «не боялись рутины законотворчества, готовы были к обсуждению всех правительственных инициатив, к конструктивному сотрудничеству с высшей бюрократией»⁸¹. Это не получало «горячего отклика у министров», однако тесно связанные с органами местного самоуправления депутаты-земцы выносили споры общественности с бюрократией из «думской избы» в свои уезды и губернии. Тем самым в провинции правительство непроизвольно «ковало себе весьма деятельную оппозицию»⁸², сочувствовавшую либералам и Прогрессивному блоку.

Взятые в комплексе материалы сборника дают основание сделать некоторые выводы. Процесс развития российского общества, его взаимодействие с государством предопределили крах самодержавной политической системы. Но заслуживают особого внимания и экономические проблемы, касающиеся не

⁷⁷ Там же. С. 193–194, 197.

⁷⁸ Там же. С. 194–195.

⁷⁹ Петров Ю.А. Коммерческие банки Москвы: конец XIX – 1914 г. М., 1998. С. 247–248.

⁸⁰ Соловьёв К.А. Представительные учреждения и правительство в России... С. 195.

⁸¹ Земцы (в большинстве не дворяне) составляли половину фракции кадетов – 25% из 49, 47 – в группе правых, 59 – прогрессистов, 60 – русской национальной фракции, 61 – националистов-прогрессистов, 79 – правых беспартийных, 83 – членов партии центра, 88 – у земцев-октябристов и 92% – в группе Союза 17 октября (Соловьёв К.А. Земцы в Государственной думе // Земское самоуправление в истории России: К 150-летию земской реформы. М., 2015. С. 130).

⁸² Там же. С. 140.

только особенностей развития военного государственно-монополистического капитализма в России. Для более глубокого понимания состояния страны периода войны требуется разработка экономических проблем, связанных с основополагающими в обществе производственными отношениями в промышленности и сельском хозяйстве.

Военные мобилизации людских резервов и промышленности в России привели в движение огромные социально-политические силы. В них скрыты ответы на общие вопросы о возможности реформ в ходе обострения «русского кризиса» начала XX в. в годы войны, о непреложности массового протестного революционного движения и его мобилизационных ресурсах.

Материалы конференции отражают важные моменты выхода самосознания российских историков из кризиса, возникшего в 1990-е гг. в рамках старых и новых идентичностей, порождённых отрицанием *ancient regime*, его политической и социокультурной систем. Российская наука, судя по статьям сборника, преодолевает разрыв теоретической интеграции различных подходов. О необходимости этого давно говорилось в историческом сообществе⁸³. Изменившиеся в последние десятилетия условия общественной жизни в России обусловили отказ от пристрастий к единственной идеологии, будь то марксизм, либерализм, постмодернизм и т.д. Вносятся принципиальные изменения в методики исследования, отвергается введённое в сознание учёных советской школы предубеждение ко всему «буржуазному», «капиталистическому», «либеральному» как пейоративному. Исследованием либеральной идеологии, жизненных целей либералов, их деятельности в представительных учреждениях воссоздана более полноценная картина состояния российского общества в период Первой мировой войны, позволяющая увидеть его место в центростремительном потоке массового народного антивоенного, антиправительственного движения.

Находившаяся в состоянии острого кризиса государственная система России испытывала в годы войны давление с разных сторон. Либерально-оппозиционное движение с умозрительными представлениями его идеологов искало себя в обществе так же, как и революционное социалистическое – со своими лидерами, «заражёнными вирусом коммунизма», готовыми на организацию социальных экспериментов. Статьи сборника, концентрируя внимание на обществе в целом, подтверждают, что в политической жизни дореволюционной России либералы действительно выступали как «вечные оппоненты» власти. Часть либеральной оппозиции в целом выражала готовность участвовать в трансформации российской государственной системы, но её возможности были скованы, да и свою роль в обществе либералы представляли довольно смутно. Иначе быть не могло в условиях «дисперсности российской политической элиты, разнородности думских фракций, групп Государственного совета»⁸⁴, невозможности результативности политического диалога представительных учреждений с властью.

Либералы не принимали насильственного переворота. Рассуждая о революционном взрыве, они всегда опасались того, что после него, помимо неуважения к демократическим правам старой России, возникнет «преступное

⁸³ Linden M., von der. The of labour history? // International Review of Social History. Vol. 38. 1996. P. 11–14.

⁸⁴ Соловьёв К.А. Представительные учреждения и правительство в России... С. 196–197.

отношение к культурным и духовным ценностям»⁸⁵. У либералов была одна надежда – на войну: именно во время войн все страны становятся взаимозависимыми и на первый план выдвигаются общечеловеческие ценности в качестве всеобщего и общезначимого регулятора общественных отношений. С этим они пришли к революционному взрыву февраля 1917 г. в Петрограде.

Материалы конференции помогают лучше понять происходившие с начала войны до падения монархии политические процессы, в которых в Феврале 1917 г. стихийно, независимо от чьей-либо воли проявилась равнодействующая единого социального протеста во имя мира и продолжения прогрессивного развития российского общества.

⁸⁵ Бердяев Н. Революция и культура // Полярная звезда. 1905. 22 декабря. С. 146–155.

Новая коллективная монография об истории и культуре средневекового Новгорода

Мария Графова, Павел Лукин

New book on the history and culture of medieval Novgorod

Maria Grafova (National Research University

Higher School of Economics, Moscow, Russia),

Pavel Lukin (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences)

В последнее время история Новгорода оказалась в центре внимания не только отечественной исторической науки, но и международной медиевистики. Это нельзя считать случайным. Во-первых, постоянно расширяющийся объём источников (археологические находки, берестяные грамоты, эпиграфика, ганзейские документы, возрождённые из пепла в результате реставрационных работ памятники живописи) делает средневековый Новгород во многом уникальным объектом исследований не только в масштабах России. Во-вторых, своеобразный социально-политический строй Новгорода стал предметом острых дискуссий, в центре которых находится вопрос о его типологии, о том, можно ли его осмыслить в общеевропейском контексте, а именно – допустимо ли характеризовать его как коммунальный.

В 2015 г. под интригующим названием «Новгород, или забытая Россия. Торговая республика (XII–XIV вв.)» во Франции вышел коллективный труд, посвящённый различным аспектам истории Новгорода периода независимости (XII–XV вв.)¹. Редакторами тома выступили Ф. Фризон, переводчик и специалист по русской литературе, и Ольга Севастьянова, автор ряда работ по новгородской истории, защитившая по этой теме диссертацию в Цюри-

© 2016 г. М.А. Графова, П.В. Лукин

¹ Novgorod ou la Russie oubliée. Une république commerçante (XIIe–XVe siècles / Sous la direction de Ph. Frison et O. Sevastyanova. Charenton-le-pont: Le Ver à Soie, 2015. 461 p. Далее ссылки на рецензируемую книгу даются в тексте с указанием страницы.